

***ТРАДИЦИОННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ВЕРОВАНИЯ***

Н.Е. Котельникова

Демонология

Согласно традиционным верованиям, человека окружало множество разнообразных природных и домашних духов (леших, водяных, русалок, овиных, банных и т.д.). Постепенно фрагменты целостной мифологической системы утрачивались, однако видоизмененные языческие представления не исчезли совсем. До настоящего времени живут в народе рассказы о мифологических персонажах — жителях иного мира, сверхъестественных силах, с которыми любой человек может неожиданно столкнуться в своей обыденной жизни. Помимо леших, водяных, русалок, домовых и других хозяев природных и хозяйственных локусов к мифологическим персонажам (или представителям низшей демонологии) условно можно отнести также нечистую силу в различных воплощениях, покойников, являющихся к живым, и людей, наделенных сверхъестественными способностями (ведьм, колдунов и т.д.). Главным источником сведений об этих фольклорных персонажах служат поверья и былички. Поверья — краткие сведения о них, а былички — рассказы о конкретных встречах человека с представителями низшей демонологии. Былички публикуются во втором томе, а в данной статье обобщаются разного рода зафиксированные данные об осколках мифологической системы представлений в Гороховецком районе.

По этнографическим материалам конца XIX — начала XX в. во Владимирской губернии вообще и в Гороховецком крае в частности можно предполагать очень богатую нарративную традицию, отражающую народные верования. *«Нельзя сказать о владимирице, чтобы он отличался робостью, скорее, наоборот, он храбр и смел даже перед более сильным врагом, но нельзя того же сказать о нем, когда дело коснется духов, и в частности нечистой силы; здесь он делается буквально трусом. Самые сильные и храбрые парни без малейшего стеснения рассказывали мне о тех ощущениях необычайного страха и робости, какие они испытывают, проходя, например, мимо рубежа поля, где бросают горшки от покойников, либо лесом или вблизи стоячих, а иногда и проточных вод»¹.*

В XIX в. владимирский крестьянин много знал о хозяевах воды, которая имеется там в большом достатке. Итак, во владимирских водоемах проживали *«водяные, шуты, шутуляги или шотоляги (мужского рода) и русалки, япшиньги — шутовки (женского рода) — тоже ведьма. Похожи на обыкновенных людей»².*

По облику шутовка (наиболее употребляемое название) — *«совсем как женщина, только в лице краски (румянца) нет, да руки тощие и холодные. Космы (волосы) больно длинные, титьки (груды) — большущие»³.* *«Один из крестьян рассказывал, что видел русал-*

¹ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии// Этнографическое обозрение. 1914. Вып.3—4. С.106.

² Там же. С.100—101.

³ Там же.

ку, как она в воде перед зеркалом "модилась (прихорашивалась)", другой говорит, что видел, как она рыбу да рака ела»⁴. О шутках и водяных сведений почти не сохранилось.

В Гороховецком районе нам удалось собрать лишь отдельные сведения о хозяевах водных стихий и прилегающих к ним лугов. При этом они отражают более поздние представления о русалках, сформированные в недрах городской культуры под сильным западным влиянием. *«О русалках говорили, что они серебряные, как рыба чешуя. Блестящие такие, красивые. Но мы их боялись и старались туда не ходить. Говорили, что там утон кто-то когда-то, а кто на самом деле, я об этом не помню. Мужчина какой-то. Может, пьяный был — не знаю. Говорили, что русалки затащили»* [61 — 7: ЦРФ — 965]. Другие слышали, как у мельницы русалка пела *«на разные голоса»* [93 — 8: ЦРФ — 1036].

Более разнообразные сведения сохранились о лешем. Есть основания полагать, что и ранее его образ во владимирской традиции был весьма подробно разработан. Прежде всего о лешем говорилось, что он имеет высокий рост, сбивает с дороги, водит в лесу, пугает, не любит, когда аукаются, может защекотать в лесу, похищает детей, проклятых матерью, боится молитвы и т.д. Из анализа современных записей следует, что лешему также свойственно заставлять людей плутать в лесу, иногда даже в хорошо знакомом месте: *«Леший какой-то может, говорит, заблудит. Он может закружить. В лесу может. Мне не приходилось»* [1 — 3: ЦРФ — 1026]. Леший пугает, не любит, когда аукаются, и если его рассердить, то *«как даст по огню, угли все раз по сторонам»* [123 — 5: ЦРФ — 1009]. Иногда лешему приписывается действие, которое может выполняться и ведьмой: *«Плачет и плачет ребенок, а оказывается вместо этого... А утаскивал леший ребенка, оказывается, а вместо его полено. Если его отчитают, и так оказывается это полено, а человека и нет»* [34 — 5: ЦРФ — 1010].

Только благодаря своему имени в составе устойчивого ругательного выражения сохранился в памяти исполнителей персонаж «притка»: *«Вот мы купались с весны до поздней осени. И все к нам на печку. А бабушка говорит: "Притка бы вас взяла!"»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Одно из важнейших мест в традиционных верованиях владимирского крестьянина занимал домовый. До сих пор многим исполнителям известно хоть что-нибудь об этом мифологическом персонаже. Прежде всего, нельзя забывать своего домового при переезде в новый дом: *«Вот если в новый дом переходят, или даже вот мы купили этот дом, тоже сначала, говорит, кошку и собаку надо и с молитвой. "Батюшка, домовый, дворовой! Мы теперь другие хозяева. Пусти нас, дай нам всего доброго здоровья и счастья и всего благополучия!". Как заходим — мы другие хозяева. Те продали — а мы другие. А если так даже этот домовый, так не попросишь его нешто, говорят, и щиплют, вот щиплют. Вот встанешь и ночью — все ноги в синяках. — Как это? — Не чувствуешь ты боли-то, а все ноги — исщипаны все. И теперь вот даже если что, без молитвы ляжешь, не благославясь или там, ли что, как вот иногда вот бывает, поссорятся, поругаются, там что. Ляжешь, и посмотри ноги-то — тут синяк, и тут синяк, а боли-то нет, нет, не больно, а синяк есть, ущипано»* [123 — 5: ЦРФ — 1009]. Еще лучше при переходе в новый дом взять с собой своего домового: *«Надо его с лаптем просить было... За лаптем идти и говорить: "Дедушка домовый, идем со мной". Лапоть потом хранили у себя на дворе. Вот у соседей, сейчас другие живут, а у тех, старых, так у них лапти во дворе всегда висели. На гвоздик повесим и всё»* [34 — 5: ЦРФ — 1010]. От домового многое зависит в хозяйстве. Он может полюбить скотину, и она будет «вестись», а может и невзлюбить — тогда заездит лошадей до смерти. Дедушку домового надо спрашивать: *«К добру или к худу?»*. Например: *«Вот, когда домовый приходит в дом. Так вот, если он*

⁴ Завойко Г.К. Указ соч. С.100—101.

Авторская стилизация народной глухой резьбы «фараонки» (русалки)

давит, говори: "К добру или к худу?". И вот он тебе скажет. Если к добру: "К добру!". А если к худу: "К худу!"» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Конечно, фиксируемые сегодня сюжеты тиражируют лишь осколки того, что было известно о домовом в прошлом и о чем мы можем узнать из этнографических материалов о Владимирщине. Вот как можно увидеть домового: «Стоит только в 12 часов ночи залезть за прислоненную к стене амбара или иного здания борону и посмотреть сквозь нее»⁵. Интересно также следующее замечание: «Хотя домовый и представляется обычно в образе старика, мужчины, но он может быть также и в образе женщины — старухи, если домохозяйкой является пожилая, не вышедшая замуж девушка»⁶.

Живет домовый во дворе в сосновой ветке с разросшейся хвоей, именуемой в простонародье «матка, матошник, матерник, шапка, куриная лапа» (вид заболевания хвойных деревьев), или в лаптях, специально вывешиваемых для этого⁷.

Наиболее полно сохранился в актуальных верованиях жителей Гороховецкого края образ приходящего к живым покойника. Этот образ имеет три основных типа. Первый из них — летающий огненный змей, который влетает в дом тех, кто слишком сильно или долго тоскует по покойнику. Там он принимает вид человека. Например: «У нас в деревне летал. Вот летит такой шарик с хвостиком. Огненный вроде бы» [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Над выбранным домом огненный змей рассыпается искрами. Однако летающий змей может принимать и облик живого человека, если тот находится далеко. Этот сюжет был особенно распространен во время Великой Отечественной войны, когда большинство женщин были оторваны от своих мужей и детей [123 — 5: ЦРФ — 1009].

⁵ Завойко Г.К. Указ. соч. С.103.

⁶ Там же. С.103.

⁷ Там же. С.104.

Второй тип являющегося живым покойника отражен в рассказах, где он попадает в дом неизвестным образом. Но при общении с человеком оба вида нечистой силы ведут себя примерно одинаково. Они разговаривают с близкими, дарят им подарки, которые оказываются затем овечьим или другим пометом [34 — 5: ЦРФ — 1010], углем и т.п. Приходящие покойники боятся петушиного крика, молитвы, крестного знамения. Если ничего не предпринимать, «они удушат, удушат обязательно» [34 — 5: ЦРФ — 1010]. Чаще всего избавиться от такой напасти, как летающие покойники, позволяют добрые советы знающих людей: «А такую вещь надо обязательно сказать, что вот ко мне ходит» [34 — 5: ЦРФ — 1010].

Третий тип покойников является к близким на сороковой день или раньше. Это самые безобидные покойники. Они только стучат в дверь, как правило, в полночь: «Говорят, что в течение 40 дней дух может явиться, придти...» [54 — 3: ЦРФ — 1027], в городской квартире могут позвонить в звонок [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Существует поверье, что в это время можно определить загробную судьбу покойного. Например: «Но, говорят, что якобы после этих стуков можно посмотреть за занавеску и там должно показаться, что он (покойник) возница, или как бы его погоняют, или он едет, правит конями. И значит, если его погоняют, то значит в ад, а если он погоняет, то значит в рай» [43 — 3: ЦРФ — 1015].

Помимо покойников человека может беспокоить и другая нечистая сила в самом разнообразном обличье. «Черные» могут стучать на чердаке и в других частях дома [120 — 3: ЦРФ — 1009].

Нечистый может оборачиваться знакомым или попутчиком и заманивать человека в опасные места — в трясину, в реку и т.д. [123 — 5: ЦРФ — 1009]. Особенно любит он привязываться к пьяному, и только вовремя упомянутое имя Господа или крестное знамение может спасти незадачливого гуляку от неминуемой гибели. Нечистая сила может вредить людям и вовсе не показываясь: «Рассказывали о превращении этого болота вроде в хорошую дорогу. Сильные лошади несутся вроде по ровной дороге, а потом все уже засядут в болоте. Сани там заседают... ведь болото даже зимой не замерзает сильно. Был разговор, что мужчины, когда ехали с ярмарки, могли попасть в это болото» [8 — 7: ЦРФ — 965].

До наших дней сохраняются в Гороховецком крае сведения о людях, наделенных различными сверхъестественными способностями, и прежде всего о колдунах. Они могли и могут сделать очень многое. У некоторых из них и корова пела по-петушиному [120 — 5: ЦРФ — 1009]. Те, у кого не было коров, забирали молоко у других с помощью колдовства, а были и такие умельцы, которые получали сразу готовый творог [43 — 3: ЦРФ — 1015]. С этим связано поверье о том, что, когда продаешь корову, нельзя уже до нее дотрагиваться, иначе говоря, бывший хозяин своим прикосновением может забрать себе молоко у проданной коровы [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Пожилые исполнители вспоминают также о том, что колдуны ходили в поля, когда созревала рожь и пшеница, и делали зажины — оставались полоски сломанных колосьев [62 — 3: ЦРФ — 1026]. «Когда делали зажинки ржи, были колдуны, которые в этот день держали открытыми двери амбаров, чтоб рожь текла к ним в сусеки. А когда жали участки в поле, то обнаруживались "дорожки" по всему полю: рожь без колосков, колоски были срезаны. Говорили, что это дело "перезжиналок", которые верхом на сковороднике летают над рожью с ножницами в руках и с мешками. Вот они и открывали амбарные двери» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 9].

Еще одно сверхъестественное свойство колдунов — оборотничество. Они могли оборачиваться бараном, быком, гусем. Если поранить такое животное, то потом у че-

ловека-колдуна обнаруживается увечье. Таким образом часто и устанавливали колдовскую сущность тех, о ком ходили подобные слухи [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 9].

Но какова бы ни была жизнь колдуньи, при смерти ее ожидают страшные мучения. Чтобы колдунья умерла, необходимо открыть заслонку у печной трубы [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 9], поднять конек дома: «*Вот, говорят, она там мучается, она, наверное, колдушка, все-таки про нее говорили, и тогда раз! Родственники конек отбивали. Вот после этого умирали*» [43 — 3: ЦРФ — 1014].

Кроме того, чтобы спокойно умереть, колдунья должна передать кому-либо свою силу: «*Или кому-то, чтоб передали. И тогда, знали если, что колдунья, не ходили никто туда, вдруг еще за палец схватит. За безымянный палец схватит и передают. Они просят: "Дай мне руку! Возьми у меня ее чуток". Вот они должны приговаривать! Руку ни в коем случае нельзя давать, потому они могут дернуть за этот палец, тем самым передают*» [43 — 3: ЦРФ — 1014].

Одной из животрепещущих для сегодняшних исполнителей тем является тема порчи, сглаза и исцеления от них. Навести порчу или сглаз могут многие, и определить их не всегда просто: «*Могут. Есть. Вот таких людей должны знать. Еще одна старушка знакомая говорила, трудно узнать. На кого, говорит, грешат, а тот человек — невинен. А на кого не грешат, он с тобой ругаться не будет, а дело, говорит, сделает. Такие есть. И не узнаешь. У нас однажды к нам сюда приехали... одна убогая, там в самом конце, она умеет это. Я уж, у меня вышла дочь старшая замуж, внучонок был, я с ним хожу, в колясочке покатываю и с ней разговариваю. Она мне говорит: "Вот на одну вот думаете, вот на эту, а зря. Она ничего не знает. А я, говорит, знаю, кто у нас есть в деревне, но не скажу, что б этого не было". Так она и не сказала. А есть, говорит, у нас в деревне. Вот и гадай на кого хочешь. И с еще одной разговаривали по вечерам сидели, она тоже мне также: "Я, говорит, ее знаю, у нас тоже есть", — и тоже не сказала. А кто-то у нас тут есть. У нас на горе у некоторых коров перепортили. И одна ездила даже в этот... в Мстеру узнавать, и ей сказали, где-то есть у вас в середине улицы. Но тоже на кого напасть, вот такие дела*» [34 — 5: ЦРФ — 1010]. Но для того чтобы уберечься от пагубных последствий действий таких людей, есть определенные приемы: «*Вот тоже запиши: когда с черными глазами человек устремится на Вас глядеть, старайся и ты ему в глаза глядеть. Поняла? Не отводить глаза. Вот он на тебя, например, уставился — смотрит, и ты смотри. Он уж в это время ничего сделать не может. Вот это обычай ведь. Вот он не может сделать в это время*» [99 — 5: ЦРФ — 1009].

В заключение следует отметить, что суеверные представления продолжают сохраняться и служить источником продуцирования различного рода прозаических текстов. Удельный вес рассказов о представителях низшей мифологии, использующих традиционные мотивы быличек, значительно превышает остальные типы фольклорной прозы, записанной в Гороховецком районе, что наглядно отражено в соответствующем разделе второго тома.

Н.Е. Котельникова

История края в фольклорной прозе

Историческая память народа находит свое отражение в огромном числе текстов, которые в массе своей не имеют четко выраженной формальной определенности и не могут быть отнесены к какому-либо конкретному фольклорному жанру. Тем не менее они представляют собой часть базовой, глубинной основы фольклорной традиции в целом. В них сочетаются и исторические представления народа, и личные мнения рассказчиков об общественно значимых явлениях, и поэтическое восприятие прошлого, и воспоминания.

В данной статье мы обратимся к наиболее типичным повествованиям, так или иначе относящимся к области отражения исторической памяти жителей Гороховецкого района.

В сфере исторической устной прозы, которая располагается на периферии традиционного фольклора, наиболее явно прослеживается процесс так называемой «вторичной фольклоризации», очень характерный для современного этапа жизни народной культуры. Материалом для создания текстов с исторической тематикой и топонимических преданий часто служат различные книги, публикации в периодической печати, результаты научных изысканий, краеведческие работы. Включаясь в повседневную нарративную практику, эта информация актуализируется в различных аспектах, перерабатывается, по-новому оформляется и причудливо видоизменяется.

Основной массив устной гороховецкой исторической прозы представлен топонимическими преданиями о названиях населенных пунктов, природных объектов и т.д.

Происхождение названия «Гороховец» имеет у местных жителей несколько различных объяснений: *«Гороховец говорят от "гороховать". В общем, прятались за горой, ховать — прятать. Вот гора — ховать. Они от татар побежали на гору, потому что еще в то время мало было построений. Гороховец, потому что на горе прятались, ховались»* [15 — 3: ЦРФ — 1016]; *«Гороховец и звали. В каждой семье ведь горох-то потребляли. Картошки тогда мало сажали. А в свое время не было картошки. А горох-то всегда его. Теперь суп варят. А тогда варили такой — вот в таких длинных горшках густой — и размешивали. Вон такая у мене есть мутовка. Вот как только его сварят — вот у огня, он, значит, уваривается. Потом его вынимают. Его не солили, когда варили. Помешивают. Ну как сказать? Как пюре. Да, как каша. Да. Да. Вот такой горох. Вот всё и говорили. Вот. Горох много сеют. Гороховец и назвали»* [66 — 8: ЦРФ — 1038]; *«Гороховец-то. Стал уже там другой. Гороховец — а там уже вязниковский район был. "Горы конец"»* [92-А — 5: ЦРФ — 1009]; *«Был купец, или какой-то такой вот тут этот... Горохов какой-то был. Вот это рассказывали, но я, конечно, сейчас уж забыла. Вот поэтому его и назвали Гороховец»* [123 — 5: ЦРФ — 1009].

Существует и другая версия о происхождении названия «Гороховец»: в городе работало множество кузниц, и стоял постоянный грохот.

Иногда город мог называться и по-другому — Богородичный: «Такой маленький город, и так много церквей, девять церквей и потом это Сретенский, Знаменский монастырь, самый старинный, за Клязьмой. Вот может поэтому называют Богородичным городом, домом Богородицы» [15 — 3: ЦРФ — 1016].

Рассказывают также про горы, на которых стоит Гороховец: прежде всего Пужалову, затем Попову, Лысую, Гребенскую, Ужовую, Вшивую и другие.

Сюжетные предания обычно имеют книжную основу, но в устах хорошего, заинтересованного рассказчика краткая историческая справка превращается в яркое, образное повествование, как будто исполнитель своими глазами видит происходящее. Например: «Пужалова гора — это есть у нас такое предание. Когда в очередной раз татаро-монголы устроили очередной набег, и в общем-то двигались со стороны Казани по этой трассе. Ну естественно, их уже заставал вечер. Решили они пристановиться. И пристановиться... Ну еще даже не брать вот город. А город располагался... Ведь вот когда Ленинская, значит, в свою очередь — это сейчас Ленинская — Благовещенская улица старая. Это было русло реки Клязьмы. А вот этот берег-то — вот Пужалова-то гора — она ещё не была Пужаловой горой. Это было высоким берегом реки Клязьмы. И даже вот когда, я уже не помню, в каком году, но двадцатые какие-то, ну просто нужно посмотреть историю, когда был большой разлив реки Клязьмы, даже не только лодки плавали по реке, то есть по Ленинской по этой, по улице Благовещенской, но и маленькие вот судёнышки. И в общем когда-то это было склоном — и русло — так оно помечено на старых вот картах — это было русло... И город-то почему в верхней части располагался. И так вот когда татаро-монголы подошли к берегу — это был вечерний, предвечерний час. И они не решили вроде бы взять сразу, в вечер брать сразу этот город. И стали раскидывать свои шатры или как у них там, их, значит, приставать, вот это крышу как бы раскидывать, и как бы — разбрасывается. Был закат солнца. И закат солнца кроваво-красный. Но и такой, что когда они увидели, посмотрели наверх, вот над Пужаловой горой — они увидели изображение вот в этих тучках и в отсвете солнца шлем воина. В общем, образ воина, который стал над этой горой кроваво-красной со щитом и с мечом. Ну они поскольку суеверные всё же такие вот люди были, сказали, что город — это плохое знамение. Они испугались, что город им этот не взять, и кровавая будет битва. И они отступили. И они не стали город в очередной раз сжигать, но с тех пор вот стала гора Пужалова. То есть напугала их. А город остался» [75 — 8: ЦРФ — 1037].

Вторая версия этого сюжета такова: «Пужалова гора и монастырь Никольский. Гора высокая была — татаро-монголы наступали и народ весь в страхе на гору. И Николай Чудотворец с огненным мечом на небе появился. На татар. И они испугались и обратно убежали. С этого времени, а старожилы и сейчас говорят — Пужалова гора. На Пужаловой горе сейчас монастырь Никольский. Пужалова гора от слова "пугать". Видения Святителя Николая они испугались и отошли от города» [16 — 3: ЦРФ — 1016].

К Пужаловой горе может прикрепляться и другой имеющий распространение в районе сюжет: «...вот если ее с вертолета поглядеть — поймешь. Так не очень-то поймешь. Если вот рассказать про нее, конечно, поймешь. Она ведь вот как человек лежит. И голова у него есть, и вот все эти бугорки — они не просто так это.

— То есть даже как руки сложены?

— Как руки сложены. Как голова и как руки сложены. Как человек лежит. Это было, эти татарки туда — как они? Пленные-то. Нападали. Шапками носили землю. Вот. А на ней трава... Трава-то растет. Но деревья никогда всю жизнь — ни деревца не выросло. Нет такого деревца.

— А Пужалова почему?

— Так это всё вот с этой... А это вот если поглядеть с вертолета — действительно, как человек лежит» [60 — 8: ЦРФ — 1038].

Обычно этот сюжет относится к Лысой горе: «Там Лысая гора. А Лысая... Вы не были там? Ну это вот Гороховец кончается, где церковь эта Всехсвятская — и туда вот влево повернуть — там деревня Городище, и в эту деревню входил — и вот направо. Там такая красотища! Там гора — чё только про эту гору не говорили. Что там библиотека Ивана Грозного зарыта. И что там клады зарывают. И что когда Мамай или кто-то шёл — татары натаскали тут земли шапками — она такая вышина! Вот стоишь — а Клязьма там вниз далеко-о - далеко-о. И она вот именно — раньше — щас уже на ней нет ничего. А раньше она весь низ — ну тогда был хороший можжевелник. Ну вот можжевелник. Всё заросшее было. Особенно вот в войну тут всё вырубил его на дрова. А верх — на ней ничё не росло. И она такая лысая, можно сказать. И копали — там и ямы, всё искали... Вот это Лысая гора» [66 — 8: ЦРФ — 1038]; «... по этим дорогам провожали заключённых. Вот, может быть, чего с этим связано. А точно не знаю. Это тоже слышала. Как сказать — я не могу точно знать. Но вот то, что заключённых здесь гоняли, как говорится, провожали — вот я слышала, — по этой дороге. Поэтому её и зовут Лысая гора» [93 — 8: ЦРФ — 1036].

Версия происхождения названия от фамилии наиболее популярна (Гребенская, Лосева и др.), но бытуют и объяснения топонима через специфику природных объектов. «Гребенская. Это вот здесь недалеко от нас. Какой-то помещик был. В честь его.

— Его фамилия тогда была Гребенской?

— Да, да. Я вот так слыхала. Это уж надо у старожиллов спрашивать» [60 — 8: ЦРФ — 1038]; «А Гребенская — это вот из города туда кверху подниматься. Вот она булыжная была раньше-то. Но и не так давно, может, лет двадцать её заасфальтировали — такой булыжник был всё. Ну всё говорили вроде — гребень тут. Подниматься в гребень. А уж как — не знаю» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

Название Попова гора говорит само за себя: «...видно было. Теперь загородил вот этот дурацкий Пищепром. Вот эти здания выстроили вдоль улицы. И эту гору всю видать было. Попова гора она называется потому, что эта земля была попа. Вот Казанской церкви... Там же Красное село было, было — называлось, там был поп. Земля эта его была. Вот мы его и звали Попова гора. Это вот, значит, Попова гора. Там Лосева гора. Потому что там дом стоит. Ну они портные были. Магазины у них. Шили они. Он и щас стоит, этот дом. Это Лосева гора.

— А портные жили — что — Лосевы — фамилия была?

— Лосевы — фамилия, да. Их уж сейчас — да, все уже умерли, только осталась сноха — это, Женя. Лосева. А эти, старые — и сын был. Все уж умерли» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

Еще рассказывают в Гороховце о подземных ходах: «Даже, Вам известно ли это, говорят даже, от Свято-Троицкого монастыря мужского, что на горе у нас в Гороховце, через Клязьму и под Клязьмой и до (...) есть специальный туннель, подземный ход под Клязьмой. И я слыхал, где-то в восемьдесят пятый год хотели его вроде бы как открыть для туристов, но так и не решились» [15 — 3: ЦРФ — 1016]; «...на Знаменку было. Подземный ход» [60 — 8: ЦРФ — 1038].

Подобный пласт топонимических преданий посвящен объяснению названий различных сел, деревень или даже их отдельных частей. Так, например: «Как называют, если неразведенная женщина осталась — вдова, а если мужчина — бобылём звали. Вот они остались жить здесь. Вот здесь вот последний дом был, здесь жил Бочкаревой Вали муж, дядя Валера Соколов, вот здесь самый последний дом стоял.

— И это самое место называлось Бобылки, это деревня была или часть Фоминки?

— Часть Фоминки, конечно. Ну, а там уже Погорелка называлась. Раньше это деревня была, а теперь это часть Фоминки.

— А почему она Погорелки-то?

— Ну, не знаю, почему. Там указано Погорелье, вообще-то так называют-то. Погорелье, а потом тире Погорелка, может быть, из записей.

— Она что, горела много, ведь Фоминка три раза сгорала дотла.

— Да, она перестраивалась. Вот когда даже приехал Некрасов в 1853 году, то он удивился, что такая красивая деревня. А почему — потому что она была заново выстроена» [106 — 3: ЦРФ — 1022]; «... весной орехи родились. Орехи. Они и сейчас рождаются. В оврагах орехи. Не грецкие, а эти, лещина. Они и сейчас рождаются. Вот поэтому, наверно, и название — тоже так-то вот — Арефьево» [93 — 8: ЦРФ — 1036].

Некоторые названия деревень связаны с профессиональной деятельностью их жителей. Например, деревня Гончары названа так потому, что в ней было много гончаров, а в Чулкове вязали чулки. В других случаях основой для названия служили особенности ландшафта или качества местных жителей: в Липовке было много лип, а в Чудском все были чудные.

Иногда сами исполнители относятся к распространенным объяснениям топонимов скептически: «... Малосудоходная река, и в основном здесь был промысел рыбы. Это вот такой, потому что весь Гороховецкий район был рыбный район. Даже у нас и эмблема там две стерлядки. И, может быть, бог знает, кто там, чего. Кошелиха... Овинищи... Крылово... Картаганово. И вот тоже Крылово считали, что, это самое, в честь кого-то. Нет, ничего подобного. Там даже Крыловых и не было, в Крылове.

Здесь, видимо, в свое время даже и проходили (ну, как их?) разинские, что ли. Да. Это в районе Овинищ» [116 — 5: ЦРФ — 1009].

Поэтичные истории рассказывают о реках, озерах, горах и других природных объектах края. Но бывают случаи удивительных изменений традиционных сюжетов. Так, распространенный легендарный сюжет об образовании озера после провала церкви (см. том 2, «Легенды») может принимать еще более необычайный вид: «Вот у нас тама прям вода всегда как мыльная. Вот до такой степени глубоко, там даже невыносимо купаться.

— Мыльное озеро?

— Да. Всё говорили, там мыльный завод что ль утонул, я не знаю.

— Это где пионерлагерь?

— Нет. Вот здесь в Лешине. В лес туда.

— И там такое мыльное озеро?

— Не озеро. Вот круглая яма. Большая. Там вода мыльная. Вот хоть стирай» [102 — 4: ЦРФ — 965].

Многие нарративы с исторической тематикой или рассказы-воспоминания являются непосредственной рефлексией на вопрос собирателя. Однако иногда встречаются тексты, явно находящиеся или находившиеся в живом бытовании, содержащие традиционные мотивы, характерные для определенной тематической группы, например о разбойниках: «Там вот у нас течёт Ока. Она текла по... Там близко она текла. Гора там была. Она называется, до сих пор мы её называем Дёкина гора. На этой горе жил атаман Дёка. И вот по реке ходили суда. Он всех грабил. А вот... Выезжал на своих судах и грабил их. И вот там слух пошёл, что наступает Советская власть. И он, всё говорили, что он вроде клад затопил, судно вот в этом Боровом озере. Это так говорили стары старики.

— Озеро какое?

— Боровое.

— Боровое озеро?

— Пил и ещё клад закопал там у какого-то дуба. Всё. И он скрылся. Всё. После тут его искали-искали. Там была зямлянка, зямлянку нашли, эту зямлянку. Но там нигде ничё не осталось. Он всё или увёз с собой, или чего. Вот нам старики всё и рассказывали» [59 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 7]. Еще один замечательный пример подачи традиционного сюжета — рассказ о встрече с разбойниками, по повествовательной форме стоящий

ближе к быличке, нежели к преданию: «А моя прабабушка, отцова бабушка, она, значит, жили оне — всё за лес, за лес туда вот за Флорищи Горьковской области. Она шла на богомолье в Киев. Пешком. Вот этими всеми лесами. Ну шли по прямой. Чтобы поближе, вот через Флорищи там. И она вот где-то Флорищи-то прошла, а шла одна! Обычно кучей. Она шла одна. Ну они же обет давали такой, что такой, я пойду — там, например, Богу дают обещание, что вот помоги мне, Господи! А я вот то-то совершу, схожу на богомолье. И она пошла. И вот говорит, шла-шла и где-то села поест, и вдруг из лесу выходят два мужика: "Здравствуй, бабушка" — "Здрате, добрые люди!" — "Нет, бабушка, мы не добрые люди!" — "Ну Бог с вами, какие вы. Всё равно здравствуйте!" — "Ты куда, бабушка, идёшь?" — "Вот иду на богомолье в Киев". — "Бабушка, вот мы тебе дадим денег. Ты там поставь свечку за наши грешные души". Дали ей сколько-то денег, ну я уж не знаю, старые. И ушли обратно в лес!» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

Помимо текстов, тяготеющих к традиционным сюжетам об исторических местах, лицах и событиях, в ходе экспедиционной работы было записано много рассказов о прошлом, представляющих собой личные воспоминания или индивидуальные мнения рассказчиков. Этот пласт повествований очень важен тем, что он не только служит материалом для различных научных исследований и реконструкций, но и позволяет увидеть и почувствовать яркий живой образ прошлого, оставшийся в памяти наших исполнителей.

Прежде всего это рассказы о прошлом своей деревни и окружающей местности. Можно привести типичный пример такого повествования о д. Юрово: «Здесь раньше был ямицкий тракт, тут вот большая дорога — Павловский тракт. Многие работали, и женщины. Вот у Тарасова, у которого Вы были, мама ямищицка. У меня самой отец ямищицки и дед. Это, говорили, "кладь возить". Здесь до станции Гороховец два километра, и оттуда на Павлово возили. Все лошадей держали. Много лошадей было.

В Овиницах была фабрика. И церковь была. В 1953 году ее ломали. Здесь была электростанция, давали свет на пять деревень. И церковь на кирпичи хотели пустить. А старая кладка-то. Ее разбили всю, и ничего. И взрывали» [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Можно также выделить рассказы о необычайных событиях, например: «Вот тетка у нас была, и она дружила тут с одной женщиной, и у ней отец лудил котлы, и он в монастыре Никольском лудил эти котлы. Лудить их — надо было рыть яму, разводить костер и лудить. И вот он рыл и нашел золото, крупинки золота. Пошел к градоначальнику, дескать, тут золото, можно, может быть, поискать, добыть тут, он ему сказал: "Ты помалкивай и никому не говори. Иначе тут начнут рыть и весь монастырь и всё тут снесут". План у него был нарисованный монастыря и где он лудил» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 1003].

Затем отдельные картинки традиционного быта, запомнившиеся исполнителям из детства и, судя по комментариям их друзей и соседей, неоднократно повторяемые для своих близких: «Маленький поп был, седенький, а Любовь Гавриловна высокая была. Устроилась к ним в прислугу. Приехал дядя, дядюшка, чего? А попадья идет: "Ой, Сергей Яковлевич, говорят, у вас тут девушка приехала. Ой, мне надо только коз отправлять в стадо". — "Да, нет, она нам не мешала бы помощница". — "Да, нет уж, давай нам, Сергей Яковлевич, пожалуйста". Она меня, попадья-то. И взяла. У них было две козы. И вот она подоит мне утром и будит меня в три часа: "Паша, вставай". Я поведу их, лягу на лавочке там, они вокруг меня лежат. Я сплю на этой лавке. А дядя Сережа был, мой дядя, пастухом. "Туды-т твою, козы-то убежали!" — "Нет, мои козы не убегут!"» [90 — 5: ЦРФ — 1010].

Рассказы-воспоминания могут сопровождать исполнение для собирателей образов некоторых фольклорных жанров: «У нас Андрей, парень, гармошка у него была. Был учитель. И вот он, значит, как я начинаю выходить, а он и говорит: "Ой, не пой, не Андрей. Меня уж за тебя ругают". А у него борода вот такая была маленькая. А я:

*А как Ондрий заиграет,
Застонает улица.
Ретиво мое сердечко
Так и заволнуется.*

*А как Ондрий заиграет,
Застонает вся гора.
А как девушки запляшут,
Затрясется борода.*

(Смеется.) *А он меня: "Тигра, бикса, мимора, кимра!" А я опять...»* [90 — 5: ЦРФ — 1010].

Частушки вообще часто вспоминаются в связи с различными жизненными ситуациями, по большей части курьезными.

Другой пример: *«Уней ухажер стоит. А она вышла и пропела:*

*Все ребята-то пришли
При ботинках, при часах.
А моё чучело прибучило
В подшитых сапогах.*

Она и не знала, что он в таких прибучил. А он и точно. А он стоит в двери и говорит (у нас на втором этаже был клуб-то, семнадцать приступок): "Я ее нынче спущу по этим приступкам". И мальчишкам сказал, а они подбегают: "Сонь! Тебя сейчас он... Говорит, не уйду, спущу". Она говорит: "А в чем он пришел?" (Смеется.) В серых подшитых сапогах. А она такую частушку спела. Ага. Я, говорит, ее спущу по лестнице. Мы кольцом выходили из клуба-то, сошли с этого, ему не пришлось ее пихнуть-то. Она вылетела как по дорожке, как он за ней, и все-таки догнал и пинка ей дал, она и уткнулась в сугроб. И большие ходить не стал. Ой!» [104 — 5: ЦРФ — 1011].

* * *

Воздействие литературы на повествовательные жанры проявляется в устных рассказах на самые неожиданные сюжеты: *«Нас весной затопляло. У нас вода бывает речная — сюда приходит большая. Даже по окошки, бывает, затопляет, то надо на высокие места только выезжать. Скотину вывозят. Русалок, водяных здесь не водится, а вот зайцы были. Зайцей спасали. И я даже спасал. Я перевозчиком работал, значит. Возил из Реброва. Едут из городов, а у меня лодки были. Я, значит, на той стороне. Народ идет, и я перевожу на эту сторону. Когда, если боровинки обливает, его обольет, значит, он, видишь, ему деваться некуда, только если в воду бросится, немного поплывет, намокнет, только ловить его, и, значит, только сажать и вывозить его на поля, а там выпускать. А как же? А куда же их? Ну снести их тут, трех—четырёх. А которые зайцы были затоплены, знаешь, тут молодежь, ребяташки, значит, с палками, с ружьями, знаешь, могут убить. Я прогонял их, ребяташек, на лодку не сажал туда. Не возил на боровину. А они так не попадут на боровину. Эту боровину обливает — болото. Не давал им безобразничать. Они хотели специально бить зайцей, а я не давал. Вот Мазай ловил зайцей, о Мазае книжка была. Он тоже вот спасал зайцей. Он спасал»* [61 — 7: ЦРФ — 1005].

В целом можно констатировать угасание традиции сюжетного исторического предания, превалирование местной топонимики в виде кратких текстов, активное влияние книжного знания на нарративную практику.

Ю.М. Киселева

Народная медицина

Народная медицина представляет собой богатый и довольно разнородный пласт народной традиции. Сюда относятся заговоры от болезней, магические действия без слов, лечение травами и натуральными средствами, применяющимися даже в современной городской среде (масло, тертый картофель от ожогов и др.), и то, что Г.И. Попов, исследователь народной медицины, назвал «грубыми», «протivoестественными» средствами (лечение с помощью похоронных принадлежностей, экскрементов, в наших записях — настойка на клопах, лепешка с вошью). Зачастую одна и та же болезнь лечится несколькими разными способами: травой, заговором и др. В этом разделе приводятся все записанные в Гороховецком крае лечебные средства, кроме тех, которые содержат заговорный текст (см. том 2, «Заговоры»). Однако чары — магические действия без слов, которые иногда могут сопровождаться произнесением текста, — входят в данную подборку.

Болезнь нередко объясняется в народе сверхъестественными причинами, такими как сглаз, порча, испуг. Как правило, такие болезни не поддаются лечению натуральными средствами и требуют особого подхода, основанного на суеверных представлениях. В одних случаях прибегают к магическому использованию *христианской символики* (молитв, имени Богородицы); в других употребляют *предметы, способные* по народным суеверным представлениям *отгонять злых духов* (уголь, нож и другие острые предметы), а также совершают *ритуальные действия*, символизирующие *ограничение места болезни* (лишай обводят по кругу), *изгнание болезни* от человека и из его дома (выливание болезни с водой за порог), *уничтожение болезни*, в том числе благодаря уподоблению болезни (грыжу загрызают) или с помощью уничтожения предметов, бывших в соприкосновении с больным местом и похожих на него (нитку с узелками закапывают, чтобы она сгнила и пропала бородавки).

Весьма архаичными являются присушивание грудного молока через сцеживание его на печь, лечение щетинки хлебом (обычно не хлебом, а тестом в бане).

Магические действия над новорожденным входят в родильно-крестильную обрядность (см. статью «Родильно-крестильный обряд и обряды первого года жизни»), поэтому укажем по преимуществу лечебные средства.

Чтобы отучить ребенка от груди, присушивали молоко, т. е. из груди молоко сцеживали на горячую печь, чтоб присыхало, или на зеленый лужок [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Грыжу грызли зубами через платок и, видимо, произносили заговор, после чего сплевывали через левое плечо [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Иногда у детей бывала *щетинка*, или *щекотун* — жесткие черные волосы на спине, на плечиках. Тогда на спинку ребенку сцеживали молоко из груди, а затем хлебным катышем катали по щетинке, и волосы выходили на хлеб [97 — 3: ЦРФ — 1015].

Ночной крик у младенцев — обычная проблема крестьянской семьи. Народная медицина рекомендовала в этом случае купать ребенка в настое черемуховых побегов: «Когда вопка будет, у детишек, у внучат, их надо побегами от черемухи, напарили побегов и помыть разка два. И плакать не будет» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

При *сглазе* дитя ставили на пороге. Бабка готовила воду с угольком и спрыскивала ребенка, читая «Богородицу» («Богородица, Дево, радуйся»), затем воду выливала в притвор двери [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Зубную боль лечили так: ставили больного лицом на восход солнца и обводили указательным пальцем кругом по щеке навстречу солнцу три раза, читая при этом «Богородице, Дево, радуйся» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Заусенцы на пальцах заговаривали той же молитвой, при этом на ногтях ставили крестики [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Кровотечение обычно заговаривали, а также использовали травы — подорожник, тысячелистник «[Я] однажды в лесу разрубила ногу. [Моя свекровь] она намаyla травы тысячелистника. Заложила его в рану, зажала пальцем и начала шептать Богородицу. Я думала, что с этой раной просижу всё лето. Но на другой день как ни в чем не бывало поехала на работу и весь день работала на ногах». [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004]. При маточном кровотечении помогали горичвет и кошачья лапка красная [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Геморрой парили (делали ванночки) настоем почечуйной травы, сенной трухи, ольховых шишек, водяного перца [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *цинги* ели ягоды клюквы [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При *ожогах* рана быстро затягивалась, если ее засыпали высушенным, просеянным и истолченным овечьим пометом [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Для лечения *лишая* применялось очерчивание иглой по солнцу (вокруг лишая) с чтением «Богородица, Дево, радуйся». Таким образом сводили лишай с человека и со скота [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Бородавки обвязывали нитками, при этом шептали «Богородицу». Потом эти нитки закапывали в подполе, в земле. Считалось, что когда нитка сгниет, бородавка исчезнет. Бородавки выводили и с помощью чистотела [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Нарывы лечили донником, хмелем; кроме того, ели серу, мазали ее на кусок хлеба [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *головной боли* помогали болотная сушеница, а также лопух или капуста, приложенные к голове [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Пониженное *давление* регулировалось отваром спорыньи на ржи, повышенное снималось ягодами калины [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При болезнях *сердца* использовали боярышник [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Чтобы вылечить *радикулит*, в 12 часов ночи выходили из дома и терлись поясницей о «переплаченный» дом. Так назывался дом, который ремонтировался и под который сделали несколько новых венцов, как заплаты на старом доме. Позже радикулит стали лечить другим способом, который позволял быстро ставить больных на ноги. Брали пузырек уксусной эссенции, опускали в нее швейные иголки или бритвенные лезвия, 10—20 штук, и оставляли так на месяц, чтобы всё это разошлось в кислоте. Лезвия или иглы растворялись без остатка, жидкость окрашивалась в красный цвет. Этим раствором затем натирали поясницу. В качестве лечения также сажали на поясницу больного пчел [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При *ревматизме* народная медицина рекомендовала шиповник, крапиву, полевой хвощ [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Когда «срывали» живот, его нужно было вправлять на место. На живот накидывали горшок [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *желтухи* кормили больного лепешкой, в которой запечена вошь, но так, чтоб он не знал об этом [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Болезни *почек* лечили растительными средствами: почками березы, пастушьей сумкой, полевым хвощом [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Травы помогали при различных *кишечных расстройствах*. От *поноса* употребляли корни конского щавеля, кору дуба, чернику, ятрышник (орхидею), терновник. При *запоре* использовали чернослив, кору крушины, головки льна, свеклу, капусту, разведенный в воде крахмал, свежие огурцы и грибы. Обволакивающим средством при *кишечных инфекциях* служили семена подорожника. С помощью пижмы, полыни, рябины выводили глистов [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При *изжоге*, *болях в желудке* жевали сырую картошку, заваривали калган или исландский мох [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Чтобы *избавиться от беременности*, обращались к бабкам (знахаркам). Некоторые из них выдавливали плод, сильно нажимая на него. Другие вставляли в «нее» ветку фикуса или стебель кокурочника, ухитрились открыть «ее» гусиным пером, чтоб туда попал воздух. Иногда женщины пытались и сами «стряхнуть» живот, прыгая с сушил, с омшаников. Как abortное средство использовалась спорынья на ржи [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При *импотенции* помогал ятрышник (орхидея) [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *алкоголя* лечили так: ловили щуку, пускали ее в бидон или в блюдо с водкой. Она выпускала туда свою желчь. Этой водкой поили пьяницу, после чего его тошнило и рвало. Водка становилась ему противной, и он бросал пить. Еще настаивали перцовку на клопах; также похмеляли с утра, когда голова болела. При этом алкоголик не должен был знать, что эта водка специальным образом приготовлена. Считалось, что от алкоголизма помогает и европейский копытень [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *сглаза* заговаривали знахарки. Бабка брала у печки холодный уголь и опускала его в чашку с холодной водой. Держа ножик, вилку, она начинала произносить заговор на девку, на бабу, на мужика, на парня. И если кто сглазил, на том уголь должен был зашипеть. Затем больного ставили на порог лицом в комнату и sprыскивали ему лицо водой с угля, читая при этом «Богородица, Дево, радуйся». Больной при этом утирался по ходу солнышка тыльной стороной ладони. Оставшуюся воду выливали в притвор двери [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

При *простуде* использовали различные травы и другие натуральные средства: заваривали и пили мать-мачеху, земляничник, малину, липовый цвет, душицу; натирали грудь и пятки бараньим салом; пили сок черной редьки с медом, пережженный сахар, закапывали сок лука, использовали чеснок и хрен.

При *ангине* помогала клюква и трава «горлянка» (типа калгана) [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Кашель, особенно *астматический*, лечили донником, багульником, анисом. Чернобыльник помогал больным *туберкулезом* [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Чтобы успокоить *нервы*, использовали пустырник, брусничник, корень валерианы, хмель [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

От *пота*, когда опрелало между пальцами ног, применяли настойку одуванчика на тройном одеколоне [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Бытовая магия применялась не только в случае болезни. Вся жизнь человека была ритуализована, любое событие требовало обережных или продуцирующих, способствующих успеху действий. Ниже приведены различные приемы хозяйственной и социальной (на любовь, для рекрута) магии. Эти магические действия отражают древние представления о потустороннем мире (призывник выходит из дома задом наперед, наоборот), о причинно-следственных связях (если парню в пищу попадет кровь девушки, физиологическое соединение вызовет любовь и брак в будущем), о воздействии контактирующих предметов (молитва, написанная и зашитая в одежду, благодаря соприкосновению действует на человека). Как и в народной медицине, наряду с магией используются ритуалы, основанные на христианских представлениях, а также практические действия, не мотивированные сверхъестественными причинами (см. хозяйственные обряды).

Особый раздел составляет порча. Как правило, вредоносное воздействие колдуны осуществляли с помощью заговоренных предметов, которые они подбрасывали своим жертвам. Вредоносные заговоры представляют собой потаенное знание и встречаются редко. Большая часть сведений о порче записывается от «потерпевших» и является собой народное осмысление причин болезней и бед, символики тех или иных предметов.

Проводы в армию

Когда провожали в армию, призывник должен был выйти из дома задом наперед, спуститься так с приступок, чтобы обратно вернуться домой целым и невредимым. Ему зашивали с собой в одежду молитву «Живый в помощи Вышнего...» (90-й псалом), чтобы она хранила его на службе [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Любовная магия

Девушки привораживали парней: в тесто для пирогов добавляли воду от стирки после месячных и угощали парней этими пирогами [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Хозяйственная магия

При пожаре обносили вокруг горящего дома икону Богородицы Неопалимая Купина, чтобы огонь не перекинулся на другие дома [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Зимой морили в домах *тараканов*. Закрывали дом на неделю. Уходили жить всей семьей к соседям, родным. Когда тараканы замерзали, их наматали по конному ведру [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Оберег

В небольшой холщовый мешочек насыпали чуточку четверговой соли (см. подробнее статью «Изготовление обрядовых предметов»), добавляли шепотку зверобоя и оставляли на ночь у любой иконы. Наутро начитывали на мешочек молитву «Отче наш» (один раз) и заговор (трижды). Заговор зависел от того, кому готовили талисман — мужу, сыну, жене, дочери и т.д. [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Порча

Колдуньи держали в доме трехцветных кошек, стригли с них шерсть, наговаривали, опускали в воду, в водку и, кого надо, поили.

«Когда мы жили в деревне, там была соседка, которая сажала килы, она же портила скотину. У нас было "пошучено" с двором. У нас не жили петухи, не стояли овцы и телята. За лето овцы все куда-то пропадали, телят в стаде прирезали. Бедная мать все время плакала и находила то и дело подсунутые в стропилах то волосы, то какие-то "шоблы", а то и в подворотне животину в виде кролика, хотя в деревне никто их не держал. Переехали в Фоминку. Корова стояла в омшанике, в углу было окошечко для кошек. Кто-то в это окно подсунул банку с солью. Отняли у коровы молоко. Мать ходила в Реброво к знахарке. Молоко появилось, но корова стала после этого сильно лягаться» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

«Кила — это такая болезнь. Появляется опухоль на любом месте: на лице, на шее, под мышкой и даже между ног. Эта опухоль разрастается, в ней собирается гной, потом она разрывается, из нее течет, и остается шрам на всю жизнь. Боли при этом нестерпимые. Но чтобы кила зажила, надо искать добрую знахарку» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].